

в том, что слишком мало места уделено Риму. Наиболее скомканными оказались разделы, трактующие о Римской империи («Римская империя в I—II веках н. э.» — 14 страниц, «Кризис и падение Западной Римской империи» — 10 страниц). Само собой разумеется, что на 24 страницах многого не скажешь. И потому в разделах Римской империи нет известной Анкирской надписи («Деяния божественного Августа») — одного из основных источников по истории принципата, нет замечательных характеристик римских императоров и императриц, данных Тацитом. Почти никак не документирован колонат; здесь нет ни Манциева закона, ни закона Адриана, ни декрета Коммода о колонах Бурунитанского салтуса и др. Один опубликованный в настоящей хрестоматии документ № 35 «Положение колонов во Фракии», любопытный сам по себе, не может, однако, иллюстрировать отличительные особенности колонатных отношений в Римской империи. Сравнительно богаче представлена документацией Римская республика. Но и тут имеются существенные пробелы. Недостаточно представлен Цицерон. Нет, например, его весьма примечательного письма к брату Марку, где даются советы, как достигнуть должности консула (*de petitione consulatus*). Не документировано восстание Аристоника (Страбон). Нет источников, характеризующих борьбу Митридата Понтийского с Римом. Случаен и мало связан с предыдущим и последующим документ № 26 — «Отражение гражданских войн в творчестве Горация». Римской культуре вообще не уделено внимания.

Приходится отметить некоторую невыдержанность в оформлении приводимых документов. Не всегда исчерпывающи и точны ссылки на издания источников, использованных в хрестоматии. Так, ссылки на издание «Древний мир в памятниках его письменности» в трех томах даются без указания томов (стр. 205, 210, 232). Неточно цитировано — «Л. В. Баженов. Древние авторы о Средней Азии» (стр. 223); надо «Древние авторы о Средней Азии. Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова, Ташкент, 1940». Нужно было хотя бы в первом случае цитирования не ограничиваться сокращенным названием «Античный способ производства» (стр. 276), а привести название целиком «Античный способ производства в источниках под ред. С. А. Жебелева и С. И. Ковалева, Л., 1933». В вводных пояснениях к документам не всегда даются сведения об авторах используемых сочинений. Так, на стр. 182 и 202—203 приводятся отрывки из Лисия, но ни в вводных пояснениях, ни в примечаниях ничего не говорится о том, кто был Лисий и какое значение он имеет. Не упоминается и то издание, которое использовано в хрестоматии (Лисий, Речи, Перев. С. И. Соболевского, М.—Л., 1933). На стр. 237—241 приведены отрывки из «Описания Эллады» Павсания, но об авторе — самом Павсании — не сказано ни слова. Встречаются опечатки (напр. стр. 329).

Подводя некоторые итоги, приходится сказать, что новая хрестоматия по древней истории, несмотря на отмеченные недостатки, может, конечно, принести известную пользу, но все же, наряду с сокращенным изданием, необходимо переиздать трехтомную хрестоматию по истории древнего мира, введя в нее дополнительные материалы по Индии и Китаю. В этом переиздании заинтересованы и преподаватели средней школы и студенты-историки наших вузов.

Проф. И. Н. Бороздин

В. С. СОКОЛОВ, Плиний Младший, М., Изд-во МГУ, 1956, 355 стр. тираж 6000 экз., цена 13 р. 60 к.

Творчество Плиния Младшего вызывает большой интерес у советских историков. Достаточно вспомнить, что еще в 1946 г. на страницах ВДИ стали появляться посвященные Плинию работы и переводы его писем. В 1950 г. было издано все литературное наследство знаменитого писателя. Хотя переводы снабжались обстоятельными комментариями и небольшими научными статьями, обобщающая работа о Плинии отсутст-

вовала. Этот существенный недостаток, в определенной мере, восполняется книгой В. С. Соколова «Плиний Младший», вышедшей в 1956 г.

Задача, возникающая перед исследователем этого интересного и сложного автора, очень трудна. В письмах Плиния отразилась многогранная политическая, общественная и духовная жизнь Римской империи I—II вв. Вполне понятно, что В. С. Соколов, первый из советских историков рассматривающий творчество Плиния в полном объеме, пытается, прежде всего, наметить пути в исследовании его наследия и ограничивается, в основном, историческим анализом сочинений Плиния (стр. 20, 60).

Рецензируемая работа открывается небольшим введением, где, наряду с интересными фактическими данными о судьбах литературного наследия Плиния, автор анализирует выводы изучавших его буржуазных исследователей. В. С. Соколов справедливо подчеркивает, что все они рассматривают творчество Плиния в отрыве от реальной исторической обстановки. В связи с этим в буржуазной научной литературе «не было сделано достаточно обоснованных и общепринятых выводов. Каждая выдвинутая в исследовании проблема неизбежно приводила к противоречивым заключениям, большей частью идеалистическим» (стр. 19).

В первой главе автор излагает биографию Плиния Младшего. На основании интересного разбора эпиграфических данных¹ и сведений, содержащихся в письмах, не только восстанавливаются основные этапы жизни римского писателя, но дается его яркая характеристика как человека, художника, политического и общественного деятеля. Нужно признать, что опыт исторической характеристики, предпринятый В. С. Соколовым, удался. Перед читателем встает живой образ талантливого римлянина-рабовладельца, вкусы, взгляды, интересы и деятельность которого в целом определялись условиями его эпохи и социальной средой (стр. 44, 47—50, 53, 61). Оценивая литературную деятельность Плиния, В. С. Соколов придает особое значение его переписке с друзьями. Именно в ней писатель «предстает перед нами как тонкий художник, мастер миниатюры в прозе, создавший особый тип литературного произведения эпистолярного жанра» (стр. 58). Вот почему девять книг переписки с друзьями находятся в центре внимания автора рецензируемой работы. Однако прежде чем их разобрать, он, в соответствии с общей задачей исследования, делает обстоятельный очерк литературной жизни в императорском Риме на рубеже I и II вв. нашей эры (II глава).

Вторая глава носит вводный характер. Тем не менее нужно указать на ее особый интерес для читателя. С большим умением автор создает яркую картину римской жизни изучаемой эпохи. Подчеркнув элементы эпигонства и упадка в литературе, В. С. Соколов показывает зарождение новых тенденций, течений, форм и направлений в художественном творчестве, сопровождаемое борьбой со старыми воззрениями (стр. 61). В качестве обоснования этого общего заключения дается яркая характеристика литературы в ее разных жанрах, ораторского искусства, а также связанных с ним школьного образования и судопроизводства. Только чтение этого раздела может в полной мере вскрыть его литературные достоинства и богатство содержания. В данном случае важно подчеркнуть вывод В. С. Соколова: вся литература от времен Августа попадает под воздействие правящих кругов, используется ими как средство пропаганды, приобретает программный характер (стр. 65). В начале I в. литература оскудела. Это не значит, что перевелись таланты или литературу перестали ценить. Напротив, в римской жизни многое содействовало литературным увлечениям. Обострение классовой борьбы в Римской империи I—II вв. (стр. 66 и сл.) и установление императорского режима, в обстановке которого сами господствующие классы утратили политическую активность, как совершенно справедливо замечает В. С. Соколов, «не могли не явиться факторами, воздействующими на настроения и направленность мысли и интересов в том верхнем слое привилегированного римского рабовладельче-

¹ В этой части исследования В. С. Соколов убедительно критикует выводы Моммзена по поводу опубликованной им надписи, без достаточных оснований отнесенной к биографии Плиния Младшего (стр. 26—27).

ского общества, к которому принадлежал Плиний и в котором вращались все видные литераторы того времени, если они даже не принадлежали к этому кругу по своему происхождению» (стр. 76). Писатели оказались оторванными от политических проблем, волновавших общество. Образованные римляне обратились в область литературы, дилетантски воспринимаемой науки, в область мистики. В такой обстановке появлялись многочисленные литературные направления, в которых форма и стиль доминировали над содержанием, а сатира использовалась для пропаганды идеалов минувшего (стр. 77, 80). Те же социально-политические факторы обусловили упадок красноречия, определили характер философии (стр. 91—97, 117). Литература и ораторское искусство переживали кризис. Неизбежными были или реакция, или появление новых форм, выражающих новое содержание. Было и то и другое (стр. 97). Одним из создателей нового литературного жанра был Плиний Младший, писатель с трезвой реалистической натурой, сумевший уловить «тенденцию к созданию литературных произведений малых форм» (стр. 122).

В третьей главе автор переходит к анализу писем Плиния. Эта часть работы является основной. В. С. Соколов анализирует приемы художественного творчества писателя. Мы опять должны подчеркнуть искусство, с которым написана эта часть рецензируемого труда. Перед читателем проходит галерея типов, созданных Плинием. Яркость, живость и образность изложения позволяют реально представить себе многие стороны римской жизни изучаемой эпохи, а содержание обосновывает вывод о том, что «сборник писем Плиния представляет собой художественное произведение, созданное автором согласно определенному замыслу, а не случайно подобранный домашний архив, опубликованный в хронологическом порядке написания писем или совсем без всякого порядка» (стр. 159). Определив таким образом характер изучаемого произведения, В. С. Соколов выясняет художественные приемы, которыми пользовался автор переписки. Анализ того и другого позволяет заключить, что риторика и ораторское искусство не составляют главных черт таланта Плиния. Сферой его творчества было художественное слово и художественный образ (стр. 170).

Далее В. С. Соколов выясняет содержание девяти книг писем друзьям. Он исходит из мысли, что идея изучаемого произведения заключается в стремлении убедить читателя, будто теневые стороны римской жизни объясняются деспотизмом и могут быть устранены возрождением «древней римской доблести» (стр. 171). Вот почему талантистые миниатюры римского писателя следует рассматривать как определенный идеал, а не как зарисовки с натуры. С этой точки зрения ведется рассмотрение тематики писем по циклам вопросов. К таким циклам относятся письма о сельском хозяйстве и рабах, о государственном управлении и политической жизни, о судопроизводстве и адвокатской практике, о литературных интересах и творчестве Плиния, о философии, морали, дружбе, семейных отношениях и пр. Исследуя содержание названных циклов, автор подмечает, что у Плиния впервые отразились конкретные проявления надвигающегося хозяйственного упадка, что его наблюдения над политической жизнью поверхностны, а мораль сводится к проповеди возрождения былой «римской доблести». Обобщая этот раздел работы, В. С. Соколов приходит к заключению, что известный критицизм, толкающий читателя на размышления, составляет общий стержень, скрепляющий многочисленные картины, созданные Плинием. По тематике и разнообразию писем Плиний сближается с Ювеналом и Марциалом. Однако там, где знаменитые сатирики видели один изъян, Плиний создавал положительные образы (стр. 139). Хотя Плиний Младший близок по своим литературным задачам к сатирикам, он является новатором в области литературной формы, позволяющей ему полнее и разнообразнее отразить жизнь. Творчеству Плиния присущ реализм, а поэтому оно созвучно с мастерством Тацита. Жизненная правдивость обоих писателей, воздействовавших на умы современников созданными ими образами и призывами служить справедливости, объясняет их ценность для последующих поколений (стр. 244). Однако В. С. Соколов не дает нам оснований идеализировать талантливое римское писателя, умеющего убеждать в том, во что он верил сам, и подмечать язвы там, где они были. Плиний остается «плотью от плоти» своей классовой среды того времени и,

не отказываясь от принципов рабовладения, показывает себя ярким представителем просвещенных рабовладельцев...» (стр. 243).

Наконец, В. С. Соколов касается композиции девяти книг писем Плиния к друзьям. Вполне обоснован интересным анализом конкретного материала вывод о том, что по композиции письма — это альбом миниатюр, напоминающий сборник эпиграмм Марциала или од Горация. Однако в отличие от этих сборников, просто объединяющих произведения определенного творческого этапа, изучаемое произведение представляет собой единство, «тонкую мозаичную работу», где каждому «цветному камешку» строго определено место (стр. 261). Таковы содержание и выводы основных частей рецензируемой работы.

В следующей, т. е. четвертой, главе рассматривается «Панегирик Траяну». Автор совершенно правильно подчеркивает его программное значение для тех кругов, к которым близок был Плиний (стр. 264, 269, 270). Именно этим объясняется ограниченность фактического элемента в рассматриваемом произведении и преобладание в его содержании изложения идеалов автора. С позиций рабовладельца, близкого к правящим кругам, трактует Плиний политическую, финансовую, экономическую деятельность Траяна. В. С. Соколов правильно подчеркивает, что в «Панегирике» приходится усматривать «не столько отражение действительности, сколько пожелания Плиния, его экономическую программу для воображаемого идеального рабовладельческого государства» (стр. 275).

Труд В. С. Соколова завершается анализом переписки Плиния с Траяном. Автор коротко излагает историю сборника этих писем, рассматривает их содержание. Правильно подчеркивается большое значение писем, относящихся ко времени пребывания Плиния в Вифинии. Они содержат не только богатый материал о провинциальном управлении, но и о быте и нравах вифинцев. В. С. Соколов не обошел и такого спорного вопроса, как упоминание о христианах в 96, 97 письмах X книги. Автор полемизирует с Р. Ю. Виппером, утверждавшим подложность этих писем (стр. 299 и сл.). Не оспаривая общих выводов В. С. Соколова, заметим, что его аргументация в пользу наличия во II в. христиан в Вифинии, основанная на толковании некоторых замечаний Р. Ю. Виппера, является недостаточной (см. стр. 305).

Таково содержание рецензируемой работы. Можно с уверенностью сказать, что автор выполнил поставленную перед собой задачу, а его основные выводы обстоятельно обоснованы. Вместе с тем, как уже подчеркивалось, литературная форма, глубина анализа в сочетании с популярностью изложения делают эту книгу полезной и интересной не только для историка, но и для читателя — не специалиста. Значение труда В. С. Соколова возрастает еще и в связи с тем, что в советской исторической литературе еще мало исследований по идеологии и культуре древнего Рима. Все сказанное не исключает отдельных недочетов в рецензируемой работе. Остановимся на некоторых из них.

Не все части работы одинаково хороши. Автор рассматривает творчество Плиния Младшего в целом. Между тем главное внимание он уделяет все-таки анализу девяти книг писем к друзьям. Панегирику и переписке с Траяном отведено меньше места. К сожалению, в четвертой и пятой главах повествование доминирует над исследованием (стр. 287—290, 307—315, 318—323).

Каждое из дошедших до нас произведений Плиния рассматривается изолированно одно от другого. Мы согласны с тем, что содержание служебной переписки с Траяном определялось потребностями момента. Что касается «Панегирика» и «Писем к друзьям», то В. С. Соколов обстоятельно доказал их художественно-публицистический характер, а это позволяет искать в них общие цели, задачи и направленность. Связи, намеченные автором между «Панегириком» и «Письмами к друзьям», посвященными Траяну (стр. 141, 181), нам кажутся недостаточными. Полагаем, что и в том и в другом произведении следовало искать общую политическую направленность. Между тем, политическая тенденция «Писем к друзьям» не прослеживается, а это вынуждает автора не всегда убедительно утверждать о политической близорукости Плиния Младшего (см. стр. 51, 181, 183, 241, 271). Мы далеки от мысли упрощать проблему, представляя

Плиния литературным торговцем на жаловании Траяна. Однако В. С. Соколов сам говорит о влиянии на литературу империи со стороны правящих кругов. В этом аспекте полезно было бы оценить творчество изучаемого писателя хотя бы в соответствующем заключении. Между прочим, заключение почему-то отсутствует в рецензируемой работе.

В. С. Соколов совершенно обоснованно уделяет большое внимание характеристике рабовладельческих отношений, отраженных в творчестве Плиния. Правильно отмечается его принадлежность к той части рабовладельцев, которые призывали гуманно обращаться с рабами, чтобы они лучше работали. Однако утверждение автора о том, что Плиний был «заядлым рабовладельцем», подтверждается слабо. По сути дела, единственным основанием для этого является покупка рабов «как рабочего скота» (стр. 180). Между тем правильное утверждение автора могло звучать еще более обоснованно, если бы в соответствующем плане было разобрано 14 письмо из III книги. Именно в нем «гуманный рабовладелец» Плиний перерождается. Для него убийство жестокого Ларгия Македона дело страшное (*res atrox*), а месть рабам дело справедливое и успокаивающее (см. *Plin. Sec.*, Ep. III, 14). Этими настроениями, как нам кажется, проникнуто 14 письмо из VIII книги, которое В. С. Соколов только упоминает.

Мы полагаем, что автор рецензируемой работы несколько преувеличивает республиканство Плиния Младшего, воспитанного на идеалах Саллюстия, Цицерона, Ливия и якобы путавшего единовластие Траяна с временами сенатского суверенитета (стр. 240). С этим трудно согласиться. Республиканские идеалы, отраженные в трудах упомянутых авторов, ушли в прошлое при Плинии. Римско-италийская аристократия помышляла не столько о республике, сколько о «хорошем монархе». Не случайно Плиний замечает, что Траян «занимает место принцепса, чтобы не было места для деспота». «Панегирик» в такой же мере обосновывает единовластие принцепса, как и речи Диона Хрисостома, тоже отличавшего монархию от тирании. Нет оснований, как это делает В. С. Соколов (стр. 178), противопоставлять Плиния «более пронципальному» оратору из Прусы.

В заключение нужно высказать несколько мелких замечаний. В. С. Соколов полагает, что мелочность вопросов, затрагиваемых в переписке с Траяном, определяется неспособностью Плиния к административной деятельности (стр. 45). Между тем, дело определялось стремлением укрепляющейся монархической власти скрупулезно следить за деятельностью провинциальных наместников. Ведь обращение к Траяну за разрешением построить в одном из городов баню или позволить организовать горожанам пожарную команду можно объяснить скорее бесправием наместника, чем его административной неспособностью. Далее, на стр. 100—101 автор говорит о дешевизне книг в Риме и приводит совершенно неподходящее сравнение. Он пишет, что некоторые книги стоили 5 денариев или 10 сестерциев, соответственно 2 руб. 40 коп. и 1 руб. 20 коп. на золото в расценке начала XX в. Эти данные ничего не говорят. Для сравнения нам кажутся гораздо более красноречивыми те размеры пособия, которые выплачивались сиротам из алиментарного фонда императора (12—16 сестерциев), приводимые В. С. Соколовым в другой связи (стр. 270). Наконец, следует отметить необоснованным утверждение автора (стр. 270), будто в сообщении Плиния о воспитании Траяном воинской дисциплины, обеспечившей безопасность командиров, «можно усмотреть намек на то, что волнение в войсках было направлено против командиров и носило явно характер классово-борьбы».

Совершенно очевидно, что эти замечания по рецензируемой работе ни в какой мере не противоречат общей положительной оценке книги. Следует еще раз подчеркнуть, что книга В. С. Соколова обладает большими достоинствами, является вкладом в советскую историческую науку и будет с пользой и интересом прочитана как специалистами, так и широким кругом читателей.

А. Кац